

Юлия Викторовна Аргудяева¹ (argudiaeva@mail.ru)

ИЗ РОССИИ В МАНЬЧЖУРСКОЕ ТРЁХРЕЧЬЕ: ИСХОД И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ КАЗАКОВ В 1920—1940-е гг.

В статье показаны причины эмиграции русских казаков Забайкалья и крестьян-старообрядцев Приморья в маньчжурское Трёхречье. Дана характеристика межкультурных связей русских с народами, обитающими на данной территории. Выявлены основные этнические и вероисповедные группы поселенцев-трёхреченцев. Освещается история возникновения первых русских заимок и некоторых основных населённых пунктов на маньчжурской земле, среди которых особенно выделяется с. Драгоценка. Охарактеризованы ключевые направления хозяйственной деятельности забайкальских казаков в Трёхречье, такие как земледелие, животноводство, охотничий и рыболовный промыслы, а также торговля с представителями различных этносов. В заключении дана оценка степени трансляции в Трёхречье русскими забайкальскими казаками хозяйственных новшеств во всех сферах хозяйственного производства.

Ключевые слова: русские, казаки, крестьяне, православные, старообрядцы, эмиграция, Забайкалье, Приморье, Маньчжурия, Трёхречье.

Julia V. Argudyaeva¹ (argudiaeva@mail.ru)

FROM RUSSIA TO THE MANCHURIAN THREE RIVERS: THE OUTCOME AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN COSSACKS IN THE 1920—1940s

The article shows the causes of emigration and the exodus of the Russian Transbaikalian Cossacks and the old believers peasants of Primorye to the Manchurian Three Rivers. The characteristic of intercultural relations of Russians with the peoples living in the given territory is given. The main ethnic and religious groups of settlers in Three Rivers are identified. The history of the emergence of the first Russian hares and some of the main settlements on the Manchurian land, including the village Dragotsenka, is highlighted. The main directions of economic activity of the Transbaikalian Cossacks in the Three Rivers are characterized, such as agriculture, animal husbandry, hunting and fishing, as well as trade with representatives of various ethnic groups. There is an estimate of the degree of translation in Three Rivers by Russian Transbaikalian Cossacks of economic innovations in all spheres of economic production in the conclusion of the article.

Keywords: Russians, Cossacks, peasant, Orthodox people, old believers, emigration, Transbaikalia, Primorye region, Manchuria, Three Rivers (Trokhrech'ye).

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Трёхречье² находится в северо-западной части Маньчжурии — Барге, в районе бассейнов правобережных притоков р. Аргунь (Ган, Дербул и Хаул), расположенных недалеко от проходящей по ней границы российского Забайкалья и Маньчжурии. Русские забайкальские казаки, в основном из приаргуньских станиц, посещали практически незаселённое Трёхречье с давних пор, перегоняя сюда свои стада и табуны на пастбу. В летний период они косили здесь сено, иногда производили распашки целинных земель; зимой жили на заимках со своим скотом, в лесной зоне охотились на копытных и пушных животных. Отдельные русские хутора появились в Трёхречье ещё в конце XIX в.

Первые сведения о времени появления в Трёхречье русских, их жизнедеятельности и об их уходе в середине XX в. в СССР (преимущественно на освоение целины) и в некоторые зарубежные страны получены из различных источников, посвящённых русской эмиграции в Маньчжурии: монографий, статей, газетных заметок, отчётов, некоторых архивных материалов и воспоминаний бывших жителей Трёхречья, переводной литературы и др. [1; 2, с. 98—104; 3, с. 152—166; 4; 5; 6; 7; 8; 9, с. 81—93; 10, с. 94—103; 14, с. 123—131; 12, с. 140—149; 11; 13, с. 34—37; 15; 16; 17; 18, с. 144—149; 19, с. 107—113; 20, с. 136—143; 21, с. 62—76; 22, с. 86—92; 23; 24; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3; ГАПК. Ф. 1588. Оп. III].

Сообщения о появлении в Трёхречье русских и возникновении здесь их первых поселений, по свидетельству уроженца этих земель А.М. Кайгородова, основываются на некоторых предположениях, воспоминаниях местных русских и эвенкийских старожилов. По его данным, интенсивное заселение и освоение изучаемой территории началось в конце XIX в. с момента появления там первых охотничьих избышек и заимок, построенных забайкальскими казаками, жившими на российской стороне левобережья р. Аргунь. Первые русские заимки возникли на Хауле — реке, самой близкой к р. Аргунь. В 1870 г. две из этих заимок объединились в хутор Ивановку (четыре двора с небольшими огородами). В 1875 г. на месте заимки, основанной казаком Парамоновым, появился хутор Ернишная (из четырёх дворов с огородом и баней). В 1885 г. заимка, построенная Т.И. Лопатиным, переросла в пос. Черноусиха — шесть дворов с огородами и впервые с пашней, на которой рожь давала очень хорошие урожаи. В 1890 г. самая нижняя по Хаулу заимка С.Л. Шестопалова разрослась в богатую деревню Манерка с тысячными отарами овец, стадами крупного рогатого скота и табунами лошадей [11, с. 4—5]. Хозяева этих хуторов и заимок, пережив Первую мировую войну, перестали возвращаться к себе на родину в левобережные приаргуньские казачьи посёлки и станицы, вывели из Забайкалья свои семьи и стали постоянно проживать по р. Хаул.

В годы революции и Гражданской войны в России в Трёхречье устремился поток беженцев: уходили разгромленные красными части атамана

² Термин «Трёхречье» в публикациях российских и зарубежных авторов пишется как с буквой «ё» (Трёхречье), так и с буквой «е» (Трехречье).

Семёнова и других вожаков Белого движения. В этот период русские забайкальские казаки, не принявшие советскую власть, с семьями, скотом и имуществом активно переправлялись через р. Аргунь на китайскую сторону. В прибрежных районах р. Хаул рыли землянки, строили дома, сеяли хлеб, косили сено. Население бассейна реки выросло за счёт беженцев из Сибири и Забайкалья в несколько десятков раз.

Ещё один переселенческий поток был сформирован забайкальскими казаками и крестьянскими старообрядческими семьями Приморья в 1930-е гг. (таких беженцев называли тридцатниками), после начала в СССР коллективизации, а также некоторыми русскими беженцами из других районов Маньчжурии, в частности, пристанционной полосы КВЖД и г. Хайлар, Маньчжурия, Харбин. Кроме того, в Покровке поселились и беженцы других сословий: представители интеллигенции, бывшие рабочие воткинских и ижевских оружейных заводов. Многие из них нашли достойное применение своим знаниям, основав кузнечную, гончарную мастерские, овчинно-шубный завод, пасеку и др.

К концу 1944 г. население Трёхречья в подавляющем большинстве состояло из русских. Оно насчитывало до 9050 чел., в том числе мужчин — 4739, женщин — 4311 [ГАХК. Ф. Р—830. Оп. 1. Д. 75. Л. 244—250], в 1945 г. — около 11 тыс. чел., проживающих в 16 посёлках и 3 выселках [12, с. 141; 13, с. 35]. Это были в основном забайкальские казаки и их семьи. В итоге в Трёхречье возникли казачьи поселения, сохранявшие в сходных с Забайкальем природных условиях традиционный, присущий только русским жизненный уклад. Сюда забайкальским казачеством была транслирована традиционная русская культура, проявившаяся в хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, семейно-брачных отношениях, обрядах жизненного цикла [2, с. 98—105].

Вторую по численности группу населения Трёхречья составляли китайцы. Сюда они пришли в 1925 г. В основном это были торговцы, держатели постоянных дворов и харчевен, парикмахеры, сапожники, кузнецы и другие ремесленники, а также огородники. Из общего числа китайцев в Трёхречье (до 1945 г. — 1000—1100 чел.) их основная часть проживала в Драгоценке, занимая как бы отдельный квартал. В других населённых пунктах их было немного, за исключением пос. Верх-Кули (примерно 12 семей) и пос. Караванная (30 семей) [12, с. 141; 11, с. 19].

Третью часть населения Трёхречья составляли японцы, появившиеся в этом регионе в 1932 г., когда в Маньчжурии было образовано марионетное государство Маньчжоу-Го. Основная часть японцев — военнослужащие небольшого гарнизона в Драгоценке или гражданские служащие различных учреждений, коммерсанты, советники, преподаватели [12, с. 142].

Жили на данной территории и представители коренных народов — эвенки, орочены, буряты, монголы. Орочены (250 чел., по китайским источникам) охотились на лошадях преимущественно по р. Ган; эвенки

(164 чел. в 1989 г., по сведениям, собранным немецким учёным Г. Хайне) охотились на оленях. Монголы и буряты кочевали в степной полосе Трёхречья, работая пастухами у богатых русских скотовладельцев [12, с. 142; 11, с. 20]. Межкультурная коммуникация этих народов с русскими способствовала взаимовлиянию (в основном в материальной культуре и, отчасти, в языке).

Отметим, что советской власти не нравилась эмиграция русского населения в Трёхречье. Она организовывала хорошо вооружённые карательные отряды. Особенно жестокими действиями отличились отряды забайкальских партизан во главе с С.И. Толстокулаковым, которые в 1929 г. совершили несколько рейдов на правобережье р. Аргунь и Хаул. В результате их набегов были сожжены избы, погибло немало людей, в том числе стариков и детей. Слабо вооружённые казаки не могли дать отпор карателям. Уцелевшие жители, побросав всё имущество, бежали на р. Дербул и Ган, которые стали местом массового расселения русских в Трёхречье. На р. Хаул осталось несколько заимок и две небольшие деревни — Ерничная и Караванная, где многие китайцы имели русских жён [11, с. 4—5].

Китайские власти не препятствовали русской колонизации этого практически не заселённого к тому времени региона. В итоге основными местами проживания русских по р. Дербул стали пос. Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Попирай, Караганы и Щучья. Населённые пункты в бассейне р. Ган включали пос. Покровка, Усть-Кули, Лабдарин, Челотуй и Светлоколуй. Несколько русских населённых пунктов находились в междуречье Дербула и Гана: Баржакон, Лапцагор, Верх-Урга, Усть-Урга, Ширфовая (Усть-Ширфовая), Верх-Кули, Нармакчи, Драгоценка [11, с. 7—10, 15—18; 23, с. 82, 91, 106].

Центром казачьего Трёхречья и единственной в этом регионе казачьей станицей стала Драгоценка (по-китайски — Саньхэ; при японцах — г. Найрумту) — один из самых больших (после пос. Верх-Кули) по численности жителей трёхреченских населённых пунктов, которому подчинялись все казачьи посёлки на данной территории. Пос. Драгоценка был основан в 1880—1882 гг. Ф. Кокухиным, А. Куликовым и В. Дерезцовым [12, с. 144]. Центральное положение Драгоценки в Трёхречье, хорошая связь грунтовыми дорогами практически со всеми населёнными пунктами этого региона обусловили её быстрый рост как торгового, а затем и административного и культурного центра. Драгоценка была, пожалуй, единственным населённым пунктом Трёхречья, где значительную часть жителей составляли китайцы. Здесь они держали мелкие лавки, харчевни, пошивочные мастерские, парикмахерские, постоянные дворы. Имелись среди них и кузнецы, и плотники; некоторые были неплохими огородниками. В посёлке располагался торгово-промышленный филиал русской фирмы «И.Я. Чурин и Ко», филиалы японских торговых фирм «Хаясиканэ», «Томе боеки коси», «Мансютикусан Кабусики Кайся». Фирме Чурина, кроме магазина, принадлежали паровая вальцовая мельница

и ремонтно-механические мастерские [1, с. 144]. В Драгоценке была оборудована электрическая станция, спиртовой, кожевенный, пимокатный и маслодельный заводы, несколько шорных мастерских, автогаражи, а также пекарня, почтово-телеграфная контора, постоянный двор и отделение Народного банка Китая. Кроме того, здесь функционировали две столярные, две кузнечно-слесарные, три портновские и три сапожные мастерские, прачечная, общественная баня, восемь столовых и ресторанов, два китайских постоянных двора, японская гостиница и др. [22, с. 88—89].

В 1944 г. в Драгоценке проживало около 3000 чел., в том числе русских — примерно 1500, китайцев — 900—1000, японцев — 500. Здесь располагалось управление Южно-Аргунской губернии, в которую при японцах было преобразовано Трёхречье, полицейское и жандармское управления, казачье станичное управление, лесничество, отделение японской миссии, отделение Бюро по делам российских эмигрантов, больница с хирургическим отделением, а также китайская школа и единственная в Трёхречье русская восьмилетняя школа, преобразованная после прихода в Маньчжурию Красной армии в среднюю. При школе были механические мастерские и пансионат, в котором жили дети из окрестных трёхреченских казачьих посёлков [12, с. 144].

Русские поселенцы Трёхречья по своему вероисповеданию делились на православных, составлявших большинство, и старообрядцев. Среди последних были как поповцы — представители Белокриницкого (Австрийского) согласия, пришедшие преимущественно из станицы Доно Забайкальской области, так и старообрядцы-беспоповцы. Первые проживали в основном в трёх населённых пунктах: Верх-Кули, Покровке и Усть-Кули. Там, помимо православных, были и старообрядческие церкви. В Верх-Кули и Покровке некоторое время жили и старообрядцы-беспоповцы.

Представители данного старообрядческого течения эмигрировали в Маньчжурию в конце 1920-х — начале 1930-х гг. из Приморья и либо сразу селились в Трёхречье, либо оказывались там спустя несколько лет после жизни в ряде населённых пунктов на Восточной линии железной дороги (станции Эхо, Хулин, Муданьцзян и др.). В пос. Верх-Кули и Покровка они жили недолго [ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1484—1491, 4901—4906, 10711—10714, 12082, 12086, 18904, 18905, 18910, 18917, 18919, 18920, 22296, 22230, 28858—2860, 29530, 29536, 29539, 29544, 29545, 37695, 37698, 38232, 38234, 43792, 43794, 49496, 49497, 49499, 49502, 49504; ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-6945 и др.]. Как только к востоку от Харбина выходцы из Приморья образовали старообрядческие беспоповщинские деревни Силинхе, Медяны, Колумбэ, Романовку, они перебрались к своим единоверцам. Основная причина их дальнейшего перемещения — нежелание жить в одном населённом пункте со старообрядцами-поповцами и официально признанными православными (мирскими).

Географически Трёхречье делится на таёжную, лесостепную и степную части, что и определило основу хозяйственной направленности

в населённых пунктах той или иной зоны. Однако это не мешало развитию традиционного хозяйственного уклада русских, так как использование торгово-обменных операций позволяло иметь все необходимые продукты питания, одежду, сельскохозяйственное оборудование и др.

Отметим, что первоначально жители исследуемой территории занимались главным образом охотой, рыбной ловлей, различными таёжными промыслами. Затем основным занятием стало животноводство и — в небольших размерах — полеводство, а с 1930-х гг. на первое место выдвинулось земледелие. Оно развивалось преимущественно в лесостепной зоне.

В конце 1920-х гг. земледелие в Трёхречье находилось в зачаточном состоянии. Значительная часть домохозяев арендовала землю у местных правителей. Правда, численность земледельцев ежегодно пополнялась как за счёт тех, кто оставил скотоводство, так и за счёт прибывающих из России беженцев, особенно после завершения Гражданской войны. Поэтому население Трёхречья очень быстро перешло от небольших посевов к посевам на обширных площадях.

До 1926 г. казаки-арендаторы пользовались землёй по специальному разрешительному свидетельству, а с 1926 г. им предложили либо принять китайское подданство, либо быть причисленными к китайским общинам в качестве наёмных рабочих. Казаки выбрали последнее [16, с. 197]. Сеяли традиционные для Забайкалья зерновые: пшеницу, яровую рожь, овёс, ячмень, гречиху, — а также технические культуры: лён, коноплю и др. С 1933 г. в Трёхречье возникло и стало развиваться макосеяние, которое особенно распространилось в хозяйствах жителей Драгоценки и Верх-Урги [1, с. 180].

Система полеводства была такой же, как в Забайкалье, — *залежной*. Земледелец пользовался распашкой, пока она давала приличный урожай. Как только урожай снижался, он начинал искать новые земельные участки и разрабатывать их. Удобрений, как и в Забайкалье, не применяли.

Подготовка земли под посев начиналась предыдущим летом, засев — весной, последний был преимущественно ручным: из лукошка или мешка, привязанного к поясу или шее, зерно разбрасывали рукой (т.е. сеяли *вразброс*). Севооборот в Трёхречье фактически был аналогичен забайкальскому: по целине вначале сеяли пшеницу, затем яровую рожь, после неё овёс или ячмень. Завершали посев гречихой [16, с. 201]. Самый обильный урожай зерновых был при *залоге*³, ниже — при *перелоге*⁴, а самый низкий — на *старой земле*⁵ и *сырце*⁶.

³ Залог, или пар — земля, вспаханная в предыдущее лето, или давно заброшенная земля.

⁴ Перелог — земля после первого съёма урожая, участок земли, бывший прежде под пашней, оставленный без обработки на несколько лет для восстановления плодородия почвы; кратковременная залежь.

⁵ Старая земля — земля, вспаханная после двух съёмов урожая.

⁶ Сырец — земля, вспаханная в год посева.

Первоначально все весенние сельскохозяйственные работы казаков в Трёхречье выполнялись на лошадях и быках. Орудиями обработки земли у большинства трёхреченских хозяев в конце 1920-х гг. были самодельный плуг и борона (16—20 железных зубьев). После вспашки поле сразу бороновали.

Впоследствии, окрепнув, стали использовать разнообразную сельскохозяйственную технику (трактора, жнейки, молотилки и др.), преимущественно зарубежного производства, приобретая её в ближайшем Хайларе, а также в Харбине.

Ветреную, нередко капризную (с холодным дождём и даже снегом) весну сменяло жаркое, но короткое лето. В этот весенне-летний период надо было успеть вспахать целинную землю, накопить сена, собрать урожай, — для этого первоначально использовали традиционные серпы и косы.

Убирать урожай начинали в августе и заканчивали в первой половине сентября, снимая зерновые в том же порядке, как и сеяли: сначала пшеницу, затем все остальные культуры. Как уже отмечалось, урожайность зерновых всегда была выше в *залоге*, а всего ниже — на *сырце*.

Обмолачивали зерновые по-разному: вручную цепями на гумне, а также при помощи конных и водяных мельниц, которые имелись во многих казачьих посёлках. Но самой продуктивной была вальцовая мельница, находившаяся только в Драгоценке. В результате помола на ней мука очищалась от отрубей и не хрустела на зубах. Обмолот начинали в октябре, иногда он затягивался до марта.

Как и в Забайкалье, в Трёхречье во время посева и уборки урожая соблюдали определённые земледельческие традиции. Так, при посеве конопли вместе с семенами зарывали несколько яиц. Убирая зерновые, поле целиком не выжинали, оставляя небольшой клин «богу на бородку». Если случались засушливые годы — приглашали на молебен священников и сами ходили по полям с иконами.

Помимо хлебопашества, в Трёхречье были развиты огородничество и бахчеводство, земли под которые непременно удобрялись. Огороды, где выращивали лук, чеснок, картофель, свёклу и др., находились при каждом жилище. Огородные культуры начинали высевать во второй половине мая, используя как семена, так и предварительно выращенную в парниках рассаду.

Следующей неперменной и важной летней работой трёхреченских казаков являлся сенокос. Он начинался после Петрова дня (12 июля по новому стилю)⁷ и продолжался примерно месяц. Это было довольно сложное мероприятие, так как для него забирали всех рабочих лошадей, все необходимые сельхозорудия (косы, вилы, ручные и конные грабли), продукты и др. На выделенном по жребью участке семья (иногда с родствен-

⁷ Петров день (29 июня по стар. стилю) — день святых первоверховных апостолов Петра и Павла — считался верхушкой лета. Это было время завершения купальских праздников и летних свадеб, подготовки к сенокосу.

никами) располагалась обязательно у источника воды, который одновременно служил и холодильником для продуктов. Это был своеобразный табор с непременно шалашом-балаганом для ночного сна.

Траву скашивали либо вручную — косою-литовкой, либо, уже в 1940-е гг., сенокосилкой, которую тянули две лошади. Для сгребания сена строили из дерева своеобразные сооружения — *волокуши*.

Высушенное, собранное в стога сено в зимнее время постепенно свозилось домой и скармливалось домашнему скоту. Чтобы можно было нагрузить побольше, сани оснащались широким поддоном, на котором сено стягивали специальной деревянной жердью.

Во время покоса основной тягловой силой служили лошади. С их помощью приводили в действие сенокосилки, конные грабли и волокуши.

Второй важной отраслью хозяйствования трёхреченцев было скотоводство и животноводство, преваляровавшее в степных районах. Скотоводство подразделялось на чисто пастбищное и стойловое, чередующееся с пастбищным. Казаки разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней.

В отличие от монгольского пастбищного скотоводства, где скот был предоставлен самому себе, скот трёхреченцев всегда находился под присмотром пастухов-бурятов, реже — монголов и тунгусов. В степной полосе до осени пастухи кочевали со скотом, живя в юртах.

Обширные пространства лугов, местами гуджирная (солончаковая) почва, сравнительно небольшая плата за выпас — всё это давало возможность трёхреченским казакам увеличивать поголовье скота. Скот считался местной валютой: им платились подати, на него выменивались продукты и предметы первой необходимости.

Те, кто имел много скота, строили заимки вдали от поселения. Там косили сено и круглогодично содержали скот, оставляя дома лишь коров, обеспечивающих семью молоком, сметаной и маслом. Значительная часть скота из-за отсутствия вблизи населённого пункта пастбищ отгонялась или же весной отдавалась на выпас пастухам. За пастьбу хозяева рассчитывались по договорённости.

Стойловое содержание лошадей и рогатого скота осуществлялось с октября по апрель. Овцы же круглый год паслись в степи, с некоторой прикормкой в зимний период (сено, зерно, корнеплоды). Рогатый скот в оседлых хозяйствах играл огромную роль. Он давал продукты питания для семьи и определённые излишки, которые шли на продажу.

Ярко выраженную товарную направленность молочное животноводство приобрело с конца 1920-х гг. Наиболее доходной отраслью молочного производства для казаков-эмигрантов стало маслоделие. Поселенцы стали создавать вначале частные, а затем и артельные заводы по производству коровьего масла в нескольких трёхреченских посёлках. Доходы от продажи были довольно высокими. Так, в 1944 г. маслодельные

предприятия Трёхречья выработали уже 235 т масла. Оно приобрело известность не только на Хайларском, но и на Харбинском рынке [1, с. 183].

Большим подспорьем в повседневной жизни трёхреченцев служило и овцеводство, продукцию которого использовали как для внутреннего потребления, так и для продажи. В частности, из овечьей шерсти вязали шали, рукавицы, свитера и другую одежду; из шкур изготавливали тулупы; мясо употребляли в пищу.

Помимо маслодельных заводов и мукомольных мельниц в Трёхречье имелись и другие промышленные предприятия. В частности, к 1934 г. там функционировало 5 кирпичных заводов (в том числе 2 в Драгоценке), 2 гончарных завода (оба — в пос. Ключевая), 4 кожевенных завода (в том числе 2 в Покровке), 1 столярная мастерская — в Драгоценке. Кузнечные мастерские были практически в каждом посёлке.

Помимо земледелия и скотоводства, определённый доход жители Трёхречья получали и от других видов занятий — промысловой деятельности (охоты, рыболовства, пчеловодства) и работы на лесных концессиях. Прибыль от этих занятий составляла, в зависимости от зоны расселения, основной или побочный заработок, иногда довольно внушительный.

Часть казаков-поселенцев, как только завершались полевые работы, уходила с ноября по март в тайгу за пушниной и копытными животными. Эта деятельность носила сезонный характер: в апреле и мае велась охота на весеннего тарбагана; с конца мая по июнь — на изюбря (из-за пантов); в июле — на осеннего тарбагана; в августе—сентябре — на белку и изюбря (ради мяса). Охотились также на медведя, волка, лисицу, барсука, росомаху, выдру, ласку, хорька, колонка, рысь, лося (сохатый), козу (козуля), кабаргу, кабана.

У трёхреченских казаков самой выгодной считалась охота на изюбря, которая обычно производилась в середине мая. Особенно прибыльной она была из-за пантов — молодых рогов зверя. Добыча одной пары пантов не только оправдывала расходы охотника, но и обеспечивала его семью всем необходимым на несколько месяцев и даже на целый год [1, с. 172]. Мясо и шкура изюбря также приносили охотнику неплохой доход.

Осенью и зимой главным объектом охоты были белка, колонок, рысь, выдра. Наиболее выгодным являлось белковое, на которое артель уходила в тайгу на месяц-полтора. Пищевые запасы артельщиков, которые они брали на охоту, состояли из масла, сала, соли, чая и толчёных сухарей. Этот промысел был нелёгким, так как проходил в самое холодное время года, к тому же приходилось тратить дополнительные усилия для добычи мяса, поскольку с собой его не брали.

Для охоты на пушного зверя применяли, помимо ружья, различные ловушки и «пилюли» — разрывные или начинённые стрихнином. Ловушки обычно ставили на звериных тропах, «пилюли» же разбрасывали всюду, где может появиться зверь, даже вблизи своих жилищ.

Использовали и традиционные русские, распространённые в Забайкалье, приёмы и орудия лова — *пасту*⁸ и *зверовые ямы*⁹ (при охоте на козулю), *кулёмки*¹⁰ (при охоте на хорьков и белок), петли (на зайцев), капканы (на лисиц и волков).

Добытую пушнину скупали русские коммерсанты из Хайлара и Харбина, Тяньцзиня и Гонконга, а в 1930—1940-е гг. — и представители японских фирм [18, с. 146]. Выручку от реализации «мягкого золота» промысловики делили поровну, вне зависимости от количества добытых каждым охотником шкурок животных.

Кроме промысловой охоты на зверя, в Барге и Трёхречье большое потребительское значение имела охота на птицу — рябчиков, куропаток, тетеревов, гусей, уток и др. [1, с. 172]. По воспоминаниям А.М. Кайгородова, местные способы лова тетеревов отличались большой эффективностью, а ловушки — простотой устройства. Они были доступны даже детям. Тетеревов добывали с помощью плоских ящичков, сколоченных из тонких досок, или *бердами*, сплетёнными из прутьев [12, с. 146].

Важным подспорьем для забайкальцев-эмигрантов было рыболовство. Им в Трёхречье занимались не с целью продажи добытого, а для себя. Из рыб в регионе водились таймень, щука, линок, сиг, карась, сом, конёк, а также голяны и др. В Трёхречье рыбу ловили и дети, и взрослые, используя для этого различные приспособления, известные ещё по Забайкалью: удочку, острогу, кривду (небольшой невод), сети, перемёт, изгородь (*ез*), корчагу.

Корчага представляла собой своеобразное сооружение в виде сплетённого из ивовых прутьев сосуда с круглым отверстием, стенки которого углублялись на несколько сантиметров внутрь и с внешней стороны обмазывались тестом. Корчага прикреплялась к длинной палке и с её помощью укреплялась на дне водоёма. Польстившись на тесто, рыба заплывала внутрь, а из-за формы этого сооружения уже не могла выбраться наружу.

Самым, пожалуй, эффективным способом ловли рыбы был *ез*, который казаки использовали ещё на родине. Как и в Забайкалье, в Трёхречье в конце августа, когда рыба начинала спускаться из верховьев к устью

⁸ Пасть — самоловная ловушка давящего типа, применяемая для добычи мелких и средних пушных зверей. Изготавливалась охотниками вручную и обычно непосредственно на месте лова из подручного местного материала. Её не выносили из леса, поэтому она не хранила в себе чужеродных запахов. Гнёт падал вдоль тела зверька.

⁹ Зверовая яма — ловчая яма для таёжных копытных животных (олень, лось, кабан), медведя и других зверей. Она роется на звериных тропах и бывает до 3 м глубиной и 2,5 м шириной. Сверху искусно прикрывается толстыми ветками и корой и бывает совсем незаметна. На дне ямы вбивается длинный заострённый кол или несколько кольев. Падая в яму, животные натываются на колья и гибнут.

¹⁰ Кулёмки отличались от пастей только тем, что гнёт падал поперёк туловища зверя.

реки, поперёк её русла ставили изгородь из толстых прутьев и другие сооружения (брёвна-*кобылины*, палки-опоры, плетёные маты-решётки (*берды*) и др.).

Названный способ давал немалый улов, однако казаки использовали добычу преимущественно для собственного потребления, так как не имели достаточного количества соли (особенно во время Второй мировой войны) и тары для её засолки. При этом часть рыбы, в копчёном и сушёном виде, поступала на хайларский рынок.

В 1920-е гг. в Трёхречье постепенно начала развиваться ещё одна отрасль хозяйственной деятельности — пчеловодство. Мёд преимущественно употреблялся самими жителями и лишь в незначительном количестве поступал на рынок Хайлара.

Ещё одним видом хозяйственной деятельности казаков-забайкальцев в маньчжурской эмиграции была работа на лесных концессиях, позволявшая получить определённые средства для дальнейшего развития своего хозяйства. На неё отправлялась часть мужчин после окончания сельскохозяйственных работ, длилась она с ноября по март.

Расплачивались на концессиях нередко деньгами, но чаще оплата производилась товарами из концессионной лавки. С хорошим заработком обычно возвращались домой только многолошадные казаки, прочие же или только-только сводили концы с концами, или же оставались должны концессионной лавке за продукты питания для себя и для лошади.

На работу в лесные концессии отправлялись артелями, со своими лошадьми и повозками. На выделенном артели участке вели заготовку различных лесоматериалов: мачтовых и телеграфных столбов, брусьев, шпал, шахтовых стоек, дров и др. Заработки были небольшими, так как продовольствие, корм для лошадей, а иногда ещё инструмент и одежду приходилось приобретать на месте, по намеренно завышенным ценам.

Таковы в общих чертах сведения о хозяйственной деятельности забайкальских казаков-эмигрантов в Трёхречье в 1920—1940-е гг.

Анализ различного рода материалов показал, что трёхреченские казаки не только успешно транслировали в соседнее государство традиционную русскую культуру, но и сумели сохранить и развить её в условиях инокультурного окружения. В исследуемый период Трёхречье из пустынного края превратилось в богатый для степных мест Барги сельскохозяйственный район. К началу 1940-х гг. вместе с расширением в Трёхречье товарного сельскохозяйственного производства в большинстве казачьих посёлков этого региона всё активнее развивались промышленность по переработке местного сельскохозяйственного сырья, торговля, сфера услуг, увеличивались посевные площади. Во многих посёлках появились заводы по переработке молока, мельницы для помола зерновых культур, лавки и магазины.

Таким образом, можно сказать, что забайкальские казаки сумели транслировать и сохранить в эмиграции традиционный русский хозяйственный

уклад как в сельскохозяйственном производстве, так и в коммерческой деятельности. Этому способствовали ориентированность на традиции казачьего войскового управления, а также опора на русские традиции хозяйствования, выработанные в условиях Забайкалья. Обустроив в 1920—1940-е гг. в Трёхречье собственное хозяйство, казаки-эмигранты организовали промышленное производство по переработке молочных продуктов, стали активно торговать животноводческой и скотоводческой продукцией, зерновыми и овощными культурами. Их усилиями в Северо-Западной Маньчжурии появились некоторые не выращиваемые здесь ранее зерновые, овощные, бахчевые и технические культуры (гречиха, овёс, ячмень, кочанная капуста, репчатый лук, свёкла, лён). Забайкальские казаки и их потомки культивировали в Трёхречье племенной скот и лошадей, успешно занимались промысловой охотой на копытного и пушного зверя, рыбалкой, лесозаготовительной промышленностью. В результате экономическая деятельность казачьей эмиграции в Трёхречье (при ориентации на удовлетворение в первую очередь собственных нужд) играла заметную роль в экономическом развитии Северо-Западной Маньчжурии, прежде всего — в её продовольственной безопасности.

При этом важно помнить, что все сферы сельскохозяйственного производства (полеводство, животноводство, переработка сельскохозяйственной продукции) в Трёхречье испытали практическое и интеллектуальное влияние русских, поэтому не следует забывать, что основа аграрного благополучия китайского сельского населения, проживающего на территории современного «Русского Трёхречья» в Маньчжурии, была заложена русскими казаками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин В.А. Географические очерки Маньчжурии. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. 300 с.
2. Аргудяева Ю.В. Быт и традиционный уклад русских казаков в Трёхречье // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкал. казачьего войска, образования Забайкал. обл. и придания Чите статуса обл. центра. Чита: Поиск, 2011. С. 98—105.
3. Аргудяева Ю.В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. С. 152—166.
4. Балакшин П. Финал в Китае: в 2 т. Сан-Франциско; Нью-Йорк; Париж: Сириус, 1958—1959. Т. 1. 374 с.; Т. 2. 430 с.
5. Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII — первая треть XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2007. 184 с.
6. Жернаков В.Н. Трёхречье: рукопись (Окленд, 1975) // HILLA. Коллекция В.Н. Жернакова. 23 с.

7. Жилище и жизнь русских в Трёхречье в Северной Маньчжурии. Токио: Изд-во Хабукункан, Охаси Синъити, 1943. 141 с. (Яп. яз.) (Пер. Е.В. Пустовойта)
8. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.
9. Игауэ Нахо. Японские исследования казацких сёл в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоу-го // Материалы XXV Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 81—93.
10. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94—103.
11. Кайгородов А.М. Потерянная земля (историко-этнографический очерк): рукопись. М., 1990—1994. 27 с.
12. Кайгородов А.М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140—149.
13. Кайгородов А.М. Харбин: взгляд из Трёхречья // Годы, люди, судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД (Москва, 19—21 мая 1998 г.). М.: ИРИ РАН, 1998. С. 34—37.
14. Кайгородов А.М. Эвенки в Трёхречье (по личным наблюдениям) // Советская этнография. 1968. № 4. С. 123—131.
15. Кляуз В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
16. Кормазов В.А. Барга. Экономический очерк. Харбин: Типогр. КВЖД, 1928. 281 с.
17. Орудия добычи охотничьих животных. Опасные самолеты. URL: https://bereg.mou.su/publ/spravochnik_okhotnika/61_orudija_dobychi_okhotnichikh_zhivotnykh/3-1-0-124 (дата обращения: 26.08.2014).
18. Перминов В.В. Русское Трёхречье // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. 22—27 ноября 2012 г. (г. Чита Забайкальского края РФ — г. Эргуна автономного района Внутренняя Монголия КНР). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2012. С. 144—149.
19. Сакамото Хидэаки. Старообрядческая деревня Усть-Ширфовая в Трёхречье // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая — 1 июня 2007 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 107—113.
20. Сергеев О.И. Казачье Трёхречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. 22—27 ноября 2012 г. (г. Чита Забайкальского края РФ — г. Эргуна автономного района Внутренняя Монголия КНР). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2012. С. 136—143.
21. Хисамутдинов А.А. «Охотничайте, пашите, сейте»: русские старообрядцы в Китае и их исход // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 62—76.
22. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920—1945 гг.) // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкал. казачьего войска, образования Забайкал. обл. и придания Чите статуса обл. центра. Чита: Поиск, 2011. С. 86—92.
23. Шахматов П. Трёхречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014. 344 с.
24. Янков А.Г., Тарасов А.П. Русские Трёхречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-издательство, 2012. 72 с.
25. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
26. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).